

Политический историзм Мишеля Фуко

Антон Прокопчук — магистр философии, независимый исследователь; Минск, Беларусь; e-mail: hmr665@gmail.com

Ключевые слова: генеалогия, государство, историзм, исторический метод, политическая теология, социология, суверенитет

В статье исследуется структура отношений между историческим знанием и политической философией суверенитета в позднем творчестве Мишеля Фуко. Рассматривается понятие «политического историзма», введенное в курсе лекций «Нужно защищать общество» — утверждается, что, хотя оно не получило дальнейшего развития, его принципы были включены в генеалогический метод. Согласно Фуко, классическая теория суверенитета, впервые предложенная Томасом Гоббсом, возникает как противовес историко-политическому дискурсу Англии XVII в. Вопреки тому, что аргументация Гоббса включает в себя конструкцию «войны всех против всех», историческая конкретика войны не имеет принципиального значения для учреждения политического порядка. Гоббс систематически вытесняет историческую аргументацию из политической науки. Фуко предлагает рассмотреть эту концепцию в ее полемическом контексте. Оппонентами Гоббса здесь оказываются современные ему приверженцы дискурса политического историзма, подразумевающего, что всякая политическая идея может быть понята только как орудие конкретной идеологической борьбы. Несмотря на все различия между выработанными впоследствии вариантами политического историзма, такой дискурс всякий раз предполагает специфическую форму знания об обществе как постоянно находящемся в более или менее выраженном внутреннем конфликте. Политическая история рассматривается как история войны между сторонами этого противостояния. Вопреки классическим теориям суверенитета, общество здесь принципиально не совпадает с государством. В свою очередь, государство объявляется не продуктом договора о прекращении «войны всех против всех», а результатом сложившегося баланса сил, инструментом господства победителей над подчиненными и продолжения извечной войны внутри общества невоенными средствами. В статье

демонстрируется, что Фуко не только рассматривает политический историзм как явление, но и придерживается его принципов в собственной критике модели государственного суверенитета. Именно поэтому, в отличие от более известных исследований генеалогии техник индивидуализации, в лекциях «Нужно защищать общество» Фуко ближе всего подходит к чисто социологической проблематике. Таким образом, как утверждает автор, исследование политического историзма позволяет рассмотреть относительно малоисследованный этап творчества Фуко в новом свете, наметить новые продуктивные пути актуализации его наследия, а также обозначить некоторые издержки его подхода.

История против суверенитета

КУРС ЛЕКЦИЙ 1975–1976 ГГ. «Нужно защищать общество» отмечает переходный этап позднего творчества Фуко и, по сравнению с более знаменитыми текстами той поры, реже становится самостоятельным объектом исследования¹. Суть этой работы обычно сводится к темам теории войны и происхождения расизма, но, среди прочего, здесь вводится и любопытный концепт «политического историзма». Он не получил дальнейшего развития, и, вероятно, поэтому не анализируется в литературе. Однако Фуко не только разворачивает интеллектуальную историю этого дискурса, но и принимает его положения, используя их в критике философско-правового дискурса суверенитета, что позволяет рассматривать политический историзм как подготовительную стадию генеалогического метода. Поскольку Фуко использует слово «*historicisme*», возможная связь его концепции с немецким историзмом остается незамеченной. При том, что его подход далеко не во всем наследует *Historismus*, и их сопоставление кажется нам продуктивным. Оговоримся, что под «историзмом» далее понимается методологическая установка, в основе которой лежит представление об обусловленности фактов и действий прошлого, а также самого исторического знания, их специфическим контекстом². Подобной установке

¹ Кроме упоминаемых ниже см.: Groulx R. Michel Foucault, la politique comme guerre continuée / R. Groulx. – Paris: LHarmattan, 2015. – 280 p. – ISBN 978-2343062266; Marks J. Foucault, Franks, Gauls. Il faut défendre la société: The 1976 Lectures at the Collège de France / J. Marks // Theory, Culture & Society. – 2000. – 17 (5). – P. 127–147.

² Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 480 с. – ISBN 978-5-98712-031-6; Руткевич А. М. Наследие историзма /

Фуко так или иначе следует во всех работах³, но в 1975 г. выражает ее наиболее ясно. Как и в других языках, «историзм» и «историцизм» во французском синонимичны, а попытки развести эти термины, кажется, только усугубляют путаницу. Эта двусмысленность характерна и для классического историзма, поскольку во избежание релятивизма соответствующие концепции то и дело дополняются представлением об общей логике истории. Однако когда испытывавший некоторое влияние *Historismus* друг и соратник Мишеля Фуко Поль Вен эмоционально провозглашает, что Фуко не был «историцистом», он, очевидно, не имеет в виду историзм, поскольку тут же сравнивает дискурсивный анализ с историческим контекстуализмом⁴. Поэтому в рамках данного исследования мы предпочитаем заменять «историцизм» на «историзм» во всех цитатах из русского перевода, в остальном оставляя их без изменений. К сожалению, существующий перевод не свободен и от более существенных неточностей, поэтому в некоторых случаях мы ссылаемся на английский перевод как наиболее широкодоступный.

Предмет первых лекций курса «Нужно защищать общество» — история представлений об историческом знании. Как всегда у Фуко, вопрос о формах знания влечет за собой вопрос о власти. Исследуя западное политическое мышление, он подходит к проблеме «снизу вверх»⁵: изучает не «идеально-типические» механизмы учреждения суверенитета, но прослеживает генеалогию конкретных механизмов управления, которые лишь позднее будут регламентированы правом. В центре внимания оказываются историчные, стихийные способы локального оформления порядка. Вместе с тем метод Фуко в некотором смысле является и социологическим: общество здесь стратегически противостоит государству, а социология — политической философии и юриспруденции⁶. Историческое знание оказывается главным полем их противостояния. Критика суверенитета поэтому приобретает одновременно методологический и политический характер; неслучайно

А. М. Руткевич // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4 (3). – С. 36–70; Трельч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М.: Юрист, 1994. – 720 с. – ISBN 5-7357-0047-2.

³ Власова О. А. Рождение фукианского метода: эпистемология/феноменология, психология/психиатрия / О. А. Власова // Логос. – 2019. – № 29 (2). – С. 25–50.

⁴ Вен П. Фуко. Его мысль и личность. / П. Вен. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 195 с. – ISBN 978-5-93615-135-4.

⁵ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 49.

⁶ Там же. С. 48.

Фуко, обосновывая метод своего исследования, заводит речь о проблеме учреждения государства. Он утверждает, что дискурсы права и дисциплины исторически формируются и сосуществуют параллельно. Модель суверенитета не универсальна, но возобновляется с особой силой, когда начинает доминировать дисциплинарная технология власти. Первоначально «дискурс дисциплины чужд дискурсу закона», поскольку его источником является не право, а клинические знания⁷. Сегодня же суверенитет и дисциплина «фактически являются двумя безусловно определяющими частями общих механизмов власти в нашем обществе»⁸. Таким образом, у современного политического мышления двоякое происхождение. Суверенная власть и техники дисциплины вступают в сложные, подчас противоречивые отношения и вырабатывают взаимно опосредующий режим работы с истиной и знанием. Поэтому критика дисциплинарной власти предполагает отказ и от «старого права суверенитета».

С диспозитивом права и дисциплины связано становление биополитики. Классическое право знало индивида в качестве члена общества или подданного, дисциплинарные формы власти рассматривали его как тело. Новейшая технология власти имеет дело уже не с обществом или телами, а с населением⁹. Человечество унифицируется, но как род живого существа, при одновременном росте индивидуализма. Индивиды-особи складываются в управляемую популяцию, тем самым лишаясь настоящей истории. Всякое знание теперь вписано в универсальную иерархию научных дисциплин, регламентированную по принципу «полицейских знаний»¹⁰. Фуко критикует суверенитет как составляющую новой конфигурации права и дисциплины¹¹, поскольку на нем до сих пор основано отрицание историзма, затемняющее конкретные отношения власти¹². Линейное, по сути, прогрессистское представление

⁷ Там же. С. 57.

⁸ Там же. С. 58.

⁹ Там же. С. 256. Ср.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.

¹⁰ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 196–197.

¹¹ Ср. с пониманием Фуко критического проекта Канта в 1978 г.: Foucault M. What is Critique? // Foucault M. The Politics of Truth / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 41–82. – ISBN 978-0-226-38358-3.

¹² Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 281.

об истории связано с «этатистским» дискурсом, утверждающим всеобщую схему движения «от возможности к действительности» государственной власти. Так, в XIX и XX вв. книги по истории были преимущественно «учебниками конституционного права», поскольку представляли собой изложение беспроблемной эволюции форм государственного устройства¹³. Места иным действующим лицам в этом нарративе не остается.

Принципиально антиисторичная классическая теория суверенитета, утверждает Фуко, предполагает субъекта как подданного¹⁴, имеет целью установление единства власти и всегда применяется внутри предшествующей стихии права. Однако эти «первоначала» не предзаданы, но исторически утверждаются вместе с суверенитетом в результате вполне конкретного противостояния и сложившегося по его итогам баланса сил. Основания конструкции являются ее предпосылками. Подданные производятся суверенной властью, а не являются ее источником; легитимность обосновывается «задним числом»; неделимость власти — нормативная фикция, а не изначальное положение дел¹⁵. Это в целом соответствует теории Гоббса, где право не существует до и вне государства¹⁶. Оговоримся, что мы не рассматриваем вопрос о состоятельности интерпретации Фуко. Как справедливо утверждает крупный французский гоббсовед И. Ш. Зарка, «Фуко внимательно читал “Левиафан”», и почти все, что он пишет об этой книге, является «верным и интересным», однако его выводы прямо противоположны гоббсовским¹⁷. У Гоббса модель учреждения государства носит характер «идеального типа»: реальной «войны всех против всех» могло не быть, это схема, которую предлагается помыслить, чтобы понять действительный ход вещей¹⁸. Фуко, напротив, заходит

¹³ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 126.

¹⁴ Фуко обыгрывает двусмысленность французского *sujet*.

¹⁵ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 44.

¹⁶ Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 100.

¹⁷ Zarka Y. C. *Foucault et le concept non juridique du pouvoir* / Y. C. Zarka // *Cités*. – 2000. – No. 2. – P. 48.

¹⁸ Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 89–90, 145. См. также: Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса / А. Ф. Филиппов // Гоббс Т. *Левиафан*. – М.: Рипол-Классик, 2020. – С. 16–20.

со стороны истории, отказывается от набрасывания абстрактной схемы на уже наличное общество и стремится рассмотреть рождение конкретных властных отношений из мельчайших форм социальности. По Гоббсу война — это состояние, в котором постоянно сказывается готовность к битве¹⁹. Согласно Фуко, это состояние характеризуется у Гоббса в первую очередь игрой внушений и представлений. Суверенитет предполагает фикцию войны, а конкретное происхождение власти не имеет отношения к учреждению порядка.

Гоббс убирает всю историческую фактуру из рассмотрения, но дело здесь не просто в методе конструируемой им политической науки. Речь идет о вытеснении события Нормандского завоевания, имевшего статус важного риторического топоса в памфлетах партий Гражданской войны. По мнению Фуко, «стратегическим визави» Гоббса в данном случае является целый дискурс широкого идеологического спектра, задействовавший историческую аргументацию в политической борьбе. Гоббс не философ войны, но военный философ: Фуко предлагает рассматривать его аргументы внутри полемического контекста, как ответ на некий вызов эпохи, в соответствии принципам историзма. Он утверждает, что титул «отца политической философии» Гоббс получил именно за «спасение государства», пусть и ценой придания ему чрезмерной власти, поскольку сумел убедительно редуцировать реальное политико-историческое противостояние к терминологии государственного права²⁰. Так вытеснение исторической аргументации за пределы политической науки оказывается стратегически важным для теоретического обоснования государства. Напряжение между теорией суверенитета и историческим знанием является показателем идеологической борьбы, а не безобидного расхождения в методах. Фуко изображает философов и юристов сообщниками по «философско-юридическому» дискурсу, как две стороны одной традиции «от Солона до Канта». Так он подводит к мысли о врожденной консервативности традиционных форм научного и философского мышления, которые стремятся сохранять, стабилизировать, придавать архитектонику и связность. Напротив, настоящим историкам ценны изменчивость и разнообразие. Любопытно, что Фуко отказывает в статусе теоретика войны и Макиавелли, о котором отзывается фактически так

¹⁹ Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 88–89.

²⁰ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 98–99.

же, как Зарка пишет²¹ о Гоббсе и подводящей к нему истории идей. Фуко, можно сказать, предлагает еще более резкий взгляд: не у Гоббса, но уже у Макиавелли история — это всего лишь материал для универсальной политической науки. Фуко понимает, что эта точка зрения спорна²², но для нас в данном случае важна его солидарность с другими историками раннего Нового времени в том, что переход к современности тесно связан с изменением отношения к истории²³.

Фуко утверждает, что атакуемый Гоббсом историко-политический дискурс впервые оформился как раз в революционной Англии, причем сразу в нескольких противоборствующих лагерях. Роялисты апеллировали не только к божественному праву, но и к исторической аргументации: богоизбранность короля, как утверждалось, была предсказана и гарантирована событием завоевания²⁴. Таким образом, политическая теология королевского суверенитета нуждается в помещении своих аргументов в исторический контекст с целью их легитимации. Напротив, аристократы использовали историзм, чтобы отвергнуть притязания абсолютизма²⁵. Их аргумент дезавуирует учредительный статус завоевания: поскольку Вильгельм Завоеватель поклялся соблюдать местные законы и стал частью местной правовой системы, постольку его правление было ограничено уже имевшимся на острове англосаксонским правом. Настоящее «завоевание» началось позже, когда его последователи стали навязывать право королевских статутов вместо «исконного» обычного права, соответствующего «парламентскому» духу. Так борьба короля и парламента оказывалась принципиальной схемой истории английского общества²⁶. Фуко обращает внимание на то, что фундаментом для притязаний аристократии — в качестве учредительной утопии — служила историческая

²¹ Zarka Y. C. *Hobbes and Modern Political Thought* / Y. C. Zarka. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. – P. 13–49.

²² Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 169. К сожалению, Макиавелли упоминается в тексте лишь походя. Вероятно, более пристальный анализ трактатов флорентийца не позволил бы Фуко оставить без внимания их глубокое сродство с политическим историзмом.

²³ См. также: Иванова Ю. В., Соколов П. В. *Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени* / Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. – М.: Квадрига, 2011. – 304 с. – ISBN 978-5-91791-081-9.

²⁴ Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 102.

²⁵ Ibid. P. 103.

²⁶ Ibid. P. 105.

фикция «исконного саксонского права»²⁷. Утопическая аргументация, в том числе в конституционном дискурсе, вообще характерна для эпохи — достаточно вспомнить знаменитую «Республику Океану»²⁸, да и конструкция Гоббса вполне может быть охарактеризована как утопия в согласии с подходом Фуко. Одновременно политический историзм обнаруживается и в «более народном» дискурсе левеллеров и диггеров²⁹. Позиция первых такова: завоевание имело место, но с него начинается не право, а история бесправия, поэтому оно обесценивает всю последующую политическую иерархию. Законы созданы завоевателями, они не ограничивают власть, а служат ее инструментами. Революция должна сбросить «нормандское иго», отменить все чужеродные законы и устранить сословные привилегии. Диггеры добавляют, что король и парламент в действительности продолжают завоевание, поскольку возводят свою легитимность к Вильгельму. Законы государства — это его оружие. Поэтому бунт — не уничтожение мирного порядка, а контратака в извечной войне, которую ведет правительство против местного населения. Так, говорит Фуко³⁰, зарождается идея, что любые законы и формы суверенитета должны рассматриваться не с точки зрения естественного права, а как исторически меняющиеся структуры господства. По тексту хорошо заметно, что Фуко разделяет подход левеллеров и диггеров, это и есть политический историзм *par excellence*³¹.

Исторический дискурс во Франции раннего Нового времени еще сильнее апеллирует к восстановлению былой справедливости³². Легитимность королевства, природа и пределы власти монарха, роль институтов и принципов публичного права определялись здесь историей войны франков и галлов. До определенного момента это была история центральной власти, рассказанная ею самой. Затем дворянство начинает конструировать собственный дискурс, который разрушает основания властного нарратива. Возникает разрыв между историческим знанием и сувереном, появляется новый субъект истории, способный говорить «я» или «мы». Он переопределяет смысл поли-

²⁷ Ibid. P. 106–107.

²⁸ Harrington J. The Commonwealth of Oceana and A System of Politics / J. Harrington. — Cambridge University Press, 2008. — 332 p. — ISBN 978-0521423298.

²⁹ Foucault M. Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976 / M. Foucault. — New York: Picador, 2003. — P. 107.

³⁰ Ibid. P. 109.

³¹ См. также: Crano R. D. Genealogy, Virtuality, War (1651/1976) / R. D. Crano // Foucault Studies. — 2011. — No. 11. — P. 156–178.

тических институтов, указывая на то, что глубже и старше правовых установлений «потомков завоевателей». Этим новым субъектом, согласно Фуко, становится *общество* как ассоциация индивидов со своими нравами, обычаями и даже законом, впоследствии превратившаяся в современную нацию. Так возникает историко-риторическая фигура поправленной «древней конституции»³³, к которой неоднократно обращались критики абсолютизма. К ней прибежал и Джеймс Харрингтон³⁴, английский республиканец и почитатель Макиавелли. Его концепция чрезвычайно близка политическому историзму³⁵, однако Фуко, к сожалению, не обращает внимания ни на нее, ни на республиканскую политическую мысль в целом.

Ключевым автором он считает француза Анри де Буленвилье³⁶. Тот призывал не просто восстановить справедливость, но «заново открыть знание: обратиться к своей памяти, сознанию, использовать знание и ученость»³⁷, противостоять дискурсу суверенитета посредством истории, основным предметом которой он делает войну. Так война становится не только «матрицей истины в историческом дискурсе»³⁸, но субстанцией общественных отношений. Именно по отношению к ней люди приходят к «восстановлению себя в качестве политической силы среди других политических сил»³⁹. Здесь же Фуко находит первую

³² Foucault M. Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976 / M. Foucault. – New York: Picador, 2003. – P. 121.

³³ Покок Д. Г. А. Берк и древняя конституция: об одной проблеме в истории идей / Д. Г. А. Покок // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2 (3). – С. 141–170.

³⁴ Pocock J. G. A. James Harrington and the Good Old Cause: a study of the ideological context of his writings / J. G. A. Pocock // The Journal of British Studies. – 1970. – No. 10 (1). – P. 30–48. Сравнение методов Покока и Фуко кажется нам достойным особого внимания.

³⁵ Прокопчук А. Неутопический утопизм Джеймса Харрингтона / А. Прокопчук. – Текст: электронный // Горький Медиа: [сайт]. – 2023. – 3 ноября. – URL: <https://gorky.media/context/neutopicheskiy-utopizm-dzhejmisa-harringtona> (дата обращения: 20.09.2024).

³⁶ Впервые на его роль в становлении историзма обратил внимание Фридрих Майнеке в классическом труде: Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – С. 128–131. Фуко был так или иначе знаком с его работой о государстве: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – С. 165, 400, 501; Фуко М. Omnes et singulatim: к критике политического разума // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3 частях. Часть 2 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2005. – С. 304.

³⁷ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 169.

³⁸ Там же. С. 179.

³⁹ Там же. С. 178.

современную идею цикличной истории, тесно связанную с понятием «соотношения сил» и «медико-военным пониманием конституции»⁴⁰. Так политический историзм оказывается вехой в развитии современной идеи революции (и ее оправдания). Нужно сказать, что дальнейшая судьба историко-политического знания, согласно Фуко⁴¹, практически полностью исчерпывается его постепенной адаптацией к дискурсам права и дисциплины. Политический историзм оказывается важной составляющей новейшего биополитического диспозитива, однако теряет свой изначальный эмансипаторный пафос и превращается в инструмент управления населением и обоснования государственного расизма. Этим объясняется тот факт, что наш анализ ограничивается первой половиной курса лекций, наиболее наглядно демонстрирующих совпадение метода Фуко и принципов политического историзма, как он понимался на заре Нового времени. Пожалуй, основная цель всего курса заключается именно в том, чтобы реабилитировать содержащиеся в современном политическом мышлении освободительные потенции, проследив их генеалогию. Иначе говоря, в курсе «Нужно защищать общество» Фуко не просто исследует, но по-своему реализует программу политического историзма.

Итак, сердцевиной политического историзма служит связка войны и знания вообще. Как заявляет Фуко⁴², западная наука ограничена «платоновским» предубеждением о противоречии войны истине, поэтому в политическом знании история традиционно служит источником иллюстраций для правовых учений. Политический историзм же настаивает, что «исторический рассказ и политический расчет имеют один и тот же объект»⁴³. Исторический нарратив, бывший техникой государственного управления, теперь используется для критики сложившегося баланса сил. Утверждается, что история «может только расшифровывать войну, которую она несет в себе самой и которая проходит сквозь нее»⁴⁴. Философски-правовой аргумент суверенитета направлен на «этатизацию войны»,

---

⁴⁰ Там же. С. 206–207. У такой идеи конституции гораздо более длинная история, чем утверждает Фуко, на что обращают внимание и составители лекций: Там же. С. 226. Связь идеи революции с понятием конституции как соотношения сил восходит как минимум к Полибию и вполне внятно артикулирована уже у Макиавелли и Харрингтона.

⁴¹ Там же. С. 204–279.

⁴² Там же. С. 188.

⁴³ Там же. С. 183–184.

⁴⁴ Там же. С. 187–188.

подчинение социального противостояния государству и сокрытие военной сущности истории. Оппонирующий этому дискурс, напротив, является историко-политическим. Позиция его субъекта не может быть нейтральной и всеобщей, это всегда сторона в противостоянии. Истина в историческом знании — это *некоторая* истина («*La vérité est une vérité*») ⁴⁵, которая обнаруживается только из перспективы мыслимой победы и выживания говорящего субъекта. Если угодно, речь идет об истине как правде, которая у всех своя. Правда становится истиной в результате победы в войне, а не по своему устройству.

Таким образом, политика — это продолжение войны другими средствами. Политическая история является историей войны, где победители получают господство над противниками как чуждыми политическому телу элементами. Однако тем самым поддерживается подспудное тление извечного социального конфликта. Согласно Фуко, война «всех против всех» действительно является учредительным событием, но она не прекращается в «мирном» гражданском состоянии. История, говорит Фуко, не завершается с установлением суверенного государства: «фронт войны постоянно пронизывает все общество, и именно он определяет нашу принадлежность к тому или иному лагерю. Нет никого, кто оставался бы нейтральным. Поневоле каждый является противником другого. Структура общества оказывается бинарной» ⁴⁶. В сущности, Фуко совпадает с Гоббсом во взгляде на войну как «готовность к сражению», но стремится показать, что и мир в гражданском состоянии является только видимостью, скрывающей подлинную природу человеческого общения, которую государство навязывает при помощи нормативного политического дискурса. Фактически Фуко демонстрирует, как из политического историзма рождается специфическая форма знания об обществе — *социология*, в которой, независимо от конкретных обстоятельств, воспроизводятся одни и те же схемы анализа общества и резоны социального действия. Фундаментальным различием такой социологии является стратегическое противопоставление государства и общества. Вопреки классическим теориям суверенитета она показывает, что в государстве имплицитно содержится возможность его разрушения и, коль скоро политическая история мыслится цикличной, — учреждения порядка заново.

⁴⁵ Foucault M. Il faut défendre la société. Cours au Collège de France (1975–1976) / M. Foucault. – Paris: Gallimard/Seuil, 1997. – P. 45.

⁴⁶ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 68.

Общество против государства

Известно, что заглавие «Нужно защищать общество» возникло уже при публикации, причем в оригинале фраза закавычена⁴⁷. Помимо очевидной иронии, смысл такого названия поначалу остается загадочным. В лекциях Фуко не дает развернутую концептуализацию общества, но подчеркивает, что элементарная структура социальных отношений — противоборство двух лагерей, из которого постепенно возникает государство как способ лишь по видимости мирного управления социальной распрей. Здесь лежат истоки более изощренных форм конфликта, в том числе современного расизма, который приобретает биологическую окраску лишь с приходом дисциплинарных форм власти, основанных на доминировании естественных наук. В пределе это означает, что всякое государство предполагает расизм, но дискурс расовой борьбы является лишь одним из многих инструментов централизации. Постепенно государство из формы защиты от враждебной «расы» превращается в предмет защиты: лозунг «мы защищаемся от общества» меняется на «мы защищаем общество». Так «расистская тематика превращается из инструмента борьбы одной социальной группы против другой в оружие глобальной стратегии социального консерватизма»⁴⁸.

Синонимия «защиты общества» и «социального консерватизма» предполагает совпадение общества и государства. В том же смысле можно говорить и о *социологическом* консерватизме⁴⁹. Подобные теории видят предельную общественную реальность именно в государстве и в целом соответствуют тому, как Фуко изображает критикуемый им дискурс суверенной власти. Однако в консервативной мысли XIX века, особенно во Франции, существовал и другой подход, к которому не обращался Фуко и который нашел свое выражение в теориях довольно широкого круга авторов-предтеч социологии, от Луи де Бональда⁵⁰ до Алексиса де Токвиля⁵¹. Разумеется, Фуко далек от реакционных взглядов первого и республиканизма второго. Однако

⁴⁷ Т.е. точнее передавать его как «“Нужно защищать общество”».

⁴⁸ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – С. 78.

⁴⁹ См. напр.: Фрайер Х. Революция справа / Фрайер Х. – М.: Праксис, 2008. – 144 с. – ISBN 978-5-901574-71-3; Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с. – ISBN 5-02-026781-3.

⁵⁰ Nisbet R. A. De Bonald and the Concept of the Social Group / R. A. Nisbet // Journal of the History of Ideas. – 1944. – No. 5 (3). – P. 315–331.

в рассматриваемых лекциях он на удивление близок к ним обоим во взгляде на природу отношений между стихией общественной жизни и силой государства, одновременно централизующей и разобщающей. Мы не будем останавливаться на этих сходствах подробно. Заметим только, что «социологический консерватизм» может быть понят, в частности, как методическая защита автономии общества от притязаний государства, которая на практике далеко не сводится к реакции, но, как мы видели, подразумевает идею *восстановительной революции*⁵². Именно в таком духе можно понять заглавный лозунг, убрав кавычки и атрибутировав его самому Фуко. Соответственно, противоположная модель общества окажется скорее «социологическим этатизмом». Важно отметить, что в социологическом отношении проект политического историзма ограничивается обсуждаемыми лекциями. Пожалуй, ни до, ни после Фуко не подходил так близко к тому, чтобы поставить сообщество выше индивида. Больше нигде он не рассматривает извечное противостояние государства и общества в его двойственности, но углубляется в генеалогию техник индивидуализации. Тем более любопытным представляется изучение политического историзма в качестве особого этапа творчества Фуко и потенциально продуктивного метода историко-риторического исследования общества.

Тесная связь историзма и социологии роднит подход Фуко с политической теологией Карла Шмитта. Обычно сходство их взглядов усматривают⁵³ в отождествлении законов политической истории с военным противостоянием, однако логичнее и без меньшего числа сомнительных допущений эта позиция возводится к Ницше⁵⁴, Марксу или Гегелю. Между политическим историзмом и политической теологией есть более существенная связь. Когда Фуко спрашивает, на какой вызов отвечает концепция Гоббса, он становится на

⁵¹ Кроме того, здесь напрашивается сравнение с Раймоном Ароном.

⁵² Между прочим, таков был характер Славной революции, положившей конец гражданским войнам в Англии, которую Фуко оставляет без внимания. Исторический дискурс этого времени, в частности, феномен «виговской истории», было бы продуктивно исследовать в контексте политического историзма.

⁵³ Dean M., Villadsen K. *State Phobia and Civil Society. The Political Legacy of Michel Foucault* / M. Dean, Villadsen K. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – P. 67; Hannsen B. *Critique of Violence* / B. Hannsen. – London, New York: Routledge, 2000. – P. 97.

⁵⁴ Foucault M. *Nietzsche, la généalogie, l'histoire* // Foucault M. *Dits et écrits*. En 4 Vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 136–156. – ISBN 978-2070761869. Кроме того, сам Шмитт высказывается против такой интерпретации войны: см. прим. 57.

позиции полемического контекстуализма. Фактически таков метод Кембриджской школы⁵⁵, основанный на принципах историзма и, в частности, философии Р. Дж. Коллингвуда⁵⁶. Но, как замечает П. Пасквино⁵⁷, первым, кто настаивал на полемическом характере политических идей прошлого, был именно Шмитт. Не без влияния Коллингвуда он утверждал, что все политические идеи являются оружием в конкретной борьбе и потому должны рассматриваться не просто в контексте общемировоззренческих установок эпохи⁵⁸, но в полемическом контексте⁵⁹. Его «Политическая теология» — это проект исторической «социологии юридических понятий», важнейшим из которых является понятие суверенитета. Подобно Шмитту, Фуко увязывает линейную историю и дискурс суверенного государства⁶⁰.

Хотя идея линейной истории гораздо старше института государства в узком смысле слова, в рамках подхода Фуко эту аналогию можно интерпретировать как своего рода «тезис о секуляризации»: современное представление об истории — это «цивилизованное», то есть «ставшее гражданским» понятие военного противостояния, являющееся продуктом утверждения государства и его исторического дискурса. Государство предлагает общую техническую рамку высшего и нейтрального судьи в вопросах политической истории, располагая внутри себя всякую полемику, а возможную политическую борьбу описывает как гражданскую или социальную. Неслучайно противоречащий государству историко-политический дискурс реабилитирует циклическую модель истории, способную оправдать революцию.

Сопоставляя два проекта политического историзма, можно сказать, что Шмитт предлагает его реакционный, а Фуко — революционный вариант. Ключевое различие состоит в отношении к истории

⁵⁵ На что указывают и ее представители: Tully J. *The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics* // Tully J. *Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics* / J. Tully. — Princeton: Princeton University Press, 1988. — 370 p. — ISBN 978-0691077963.

⁵⁶ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы / К. Скиннер // НЛЮ. — 2004. — № 66 (2). — С. 55–66.

⁵⁷ Pasquino P. *Political Theory of War and Peace: Foucault and the History of Modern Political Theory* / P. Pasquino // *Economy and Society*. — 1993. — No. 22 (1). — P. 87.

⁵⁸ Шмитт К. *Политическая теология* // Шмитт К. *Понятие политического* / К. Шмитт. — СПб.: Наука, 2016. — С. 34.

⁵⁹ Шмитт К. *Понятие политического* // Шмитт К. *Понятие политического* / К. Шмитт. — СПб.: Наука, 2016. — С. 305. Понимание войны у Шмитта несколько иное. См.: там же. С. 308–312.

⁶⁰ Фуко М. *Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году* / М. Фуко. — СПб.: Наука, 2005. — С. 238.

в целом и к тому, какое место в ней занимает институт государства. Взгляд Гоббса на историю политически консервативен: ее нужно обуздать, поскольку это сфера войны, беспорядка, отсутствия истины и согласия. Фуко не столько опровергает его, сколько занимает противоположную сторону, удерживаясь в той же перспективе: упорядочение истории — не теоретическая задача, а политическая. Обуздать историю — значит внешним образом подчинить ее участников, лишив их собственного исторического знания. Подобно Гоббсу, Шмитт защищает суверенитет государства как спасение от истории, неизбежно приближающей конец света, и в этом отношении он, разумеется, также вовлечен в своего рода извечную войну против либералов, социалистов и анархистов на стороне реакционеров. Однако его аргумент основан на историзме, включенном в пессимистическую линейную логику истории, поэтому защита самого института государства равнозначна защите понятия государства от размывания его исторической специфики⁶¹. Фуко приближается к противоположному, циклическому и революционному взгляду. Историческая специфика эпохи рассматривается не как стадия единого процесса, а как вариация на одну тему. В обоих случаях историей в целом движет нечто. По Шмитту, всякая отдельная эпоха так или иначе есть стадия всеобщего движения к концу. Согласно Фуко, в каждый момент присутствует ситуативный расклад сил, ведущих одну и ту же извечную войну. В этом контексте социологизм Фуко более последователен, поскольку настаивает на систематическом несовпадении общества и государства. При всех оговорках Шмитта гораздо сильнее интересует государственно-правовая сторона дела.

Однако, как замечает Фр. П. Адорно, Фуко легитимирует взгляд на историографию как «рассказывание историй». Всякий нарратив о прошлом является результатом выбора перспективы и призван показать на историческом материале, как мы стали теми, кто мы есть сегодня⁶². Исторический дискурс напрямую зависит от самопонимания его субъекта, в первую очередь политического. В лекции «Что такое критика?» (1978) Фуко высказывается еще более ясно: критическая постановка вопроса о современности требует от автора вовлеченности в особую «историко-философскую практику», которая подразумевает

---

⁶¹ Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой / К. Шмитт // Логос. – 2012. – № 89 (5). – С. 205–215.

⁶² Adorno F. P. Fiction et histoire / F. P. Adorno // Cités. – 2000. – No 2. – P. 86.

написание истории от первого лица как своего рода фикции⁶³. Это история не входящих в поле зрения традиционной науки предметов: структур рациональности, артикулирующих дискурс истины, и механизмов субъективации (подчинения). Политический историзм освобождает историческое содержание от того, как оно определяется доминирующим дискурсом истины и власти. В этом же, согласно Фуко, заключается суть археологии и генеалогии. Первая, отталкиваясь от самого допущения некоторого способа связи власти и знания в качестве самоочевидного, восходит к анализу его допустимости. Вторая предполагает не восстановление некоей единой традиции, а исследование условий возможности современной сингулярности, которая является не продуктом, но эффектом множества обуславливающих ее элементов⁶⁴. Фуко акцентирует случайность и прерывность исторического развития, что прямо противоречит не только традиционному историческому дискурсу, но также и всякому «историцизму» в смысле Карла Поппера. Замечание о фиктивном характере подобных рассказов позволяет увидеть, насколько близки друг другу историческая и политико-юридическая аргументация, которые Фуко стремится противопоставить. В конечном счете речь идет о выборе в пользу одного из двух модусов отношения к извечной войне, неявно кипящей в глубине всякой социальной жизни. Вероятно, таков наименьший общий знаменатель для всех теорий общества, критических или нет: социальный порядок возникает как тот или иной конкретный способ видимого преодоления войны.

Итак, политический историзм Фуко исходит из представления об обусловленности всякого дискурсивного поля актуальным балансом противоборствующих сил. Принципиальная схема исторического исследования — это история полемики и социального конфликта. Всякая идея может быть правильно понята лишь в полемическом контексте, в котором она впервые формулируется и сохраняет свою эффективность в качестве оружия дискурсивной борьбы. Парадигма суверенной власти дисквалифицирует такой дискурс как эпистемологически нелегитимный. Война в ней проходит по разряду неупорядоченного, материального, исторического, а потому не способна приписывать универсальные правила человеческого общежития. Именно поэтому модель учреждения суверенного государства,

⁶³ Foucault M. What is Critique? // Foucault M. The Politics of Truth / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 55.

⁶⁴ Ibid. P. 64.

как она формулируется на заре Нового времени, принципиально вытесняет историческое знание за пределы политической науки. Напротив, политический историзм утверждает войну в качестве единственной константы истории, обеспечивающий ее своеобразную цикличность. Любые политико-правовые понятия объявляются не универсальными, но универсалистскими, лишь претендующими на всеобщий обязательный статус в конкретных исторических условиях. Политический историзм Фуко, таким образом, переворачивает классическую оппозицию частного и всеобщего, утверждая приоритет конкретного *par excellence* над множеством универсалистских притязаний.

Государственное и даже международное право, претендующее на ограничение и регламентацию властных отношений, оказывается партийным инструментом нейтрализации противоречащих ему форм знания о политической истории. Соответственно, история суверенного государства является дискурсом тотальным и исключаящим, за счет чего, по мнению Фуко, и обеспечивается его истинностный статус. Напротив, установка политического историзма принципиально противоречит научному методу в строгом смысле. Это значит, что он не просто предлагает альтернативный взгляд на одну и ту же ситуацию, но стремится заново учредить все дискурсивное поле. Его задача не столько изучать забытую историю освободительных движений, сколько «вливаться» в подлинную историческую стихию войны, возобновляя неизменно актуальное противостояние. В этом отношении ангажированность Фуко и обусловленность его собственных штудий политическими вызовами современности не вызывает сомнений⁶⁵. Можно сказать, что легитимация такого типа дискурса является не философско-правовой, а *историко-риторической*: исследовательский интерес в нем неотделим от политического целеполагания.

Политический историзм утверждает, что не только события прошлого определены полемическим контекстом эпохи, но и современное историческое знание является орудием войны. Отсюда кристаллизуется особая форма социологического знания, базовые различия которого возобновляются независимо от исторических обстоятельств. Всякое общество здесь имеет бинарную структуру, расколото на два лагеря, противостоящих на поле исторического дискурса. Государство с его моделью исторического знания претендует на отождествление

---

⁶⁵ «Фуко всегда взывает к праху и бормочет о сражении, а сама его мысль обнаруживает себя как машина войны». Делез Ж. Переговоры 1972–1980 / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004. – С. 136.

себя с обществом. Напротив, политический историзм проливает свет на часть общества, вытесняемую государством в качестве «инородной». Однако во взгляде на историю как нарратив существует и опасность симметричного вытеснения политическим историзмом всего, что в обществе объявляется связанным с государством. В этом случае предметом защиты от государства становится не общество, но его фикция, то есть другая партия, претендующая на отождествление с обществом в целом.

Таким образом, политико-правовой и историко-риторический дискурсы могут быть продуктивно рассмотрены как две стороны одного диспозитива, что позволит по-новому поставить вопрос о природе современных социальных отношений. С точки зрения социологии, однако, недостаток политического историзма заключается еще и в том, что общество оказывается здесь в первую очередь политическим субъектом, отчего размывается его специфичность как объекта исследования. Иначе говоря, расколотое непрекращающейся войной общество полагается автономной реальностью по отношению к государству, но не по отношению к политическому вообще. В таком случае парадоксальным образом общество не нуждается в социологии как отдельной дисциплине для своего изучения: хотя оно не может быть объектом науки о государстве, оно вполне вписывается в рамки политической или социальной философии, как ее представлял себе Фуко⁶⁶. Эта проблема, однако, выходит за рамки нашего исследования и нуждается в отдельном рассмотрении.

Библиография

1. Groulx R. Michel Foucault, la politique comme guerre continuée / R. Groulx. – Paris: L'Harmattan, 2015. – 280 p. – ISBN 978-2343062266.
2. Marks J. Foucault, Franks, Gauls. Il faut défendre la société: The 1976 Lectures at the Collège de France / J. Marks // Theory, Culture & Society. – 2000. – 17 (5). – P. 127–147.
3. Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – М.: Центр

⁶⁶ «В конце концов то, что я делаю, не принадлежит ни истории, ни социологии, ни экономической науке. Оно так или иначе просто в силу объективных причин, должно иметь связь с философией, под которой я понимаю не что иное, как политику истины, поскольку у термина «философия», на мой взгляд, в сущности, нет других определений, кроме этого. Речь идет о политике истины». Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб: Наука, 2011. – С. 15.

гуманитарных инициатив, 2024. – 480 с. – ISBN 978-5-98712-031-6.

4. Руткевич А. М. Наследие историзма / А. М. Руткевич // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – № 4 (3). – С. 36–70.

5. Трельч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трельч. – М.: Юрист, 1994. – 720 с. – ISBN 5-7357-0047-2.

6. Власова О. А. Рождение фукианского метода: эпистемология/феноменология, психология/психиатрия / О. А. Власова // *Логос*. – 2019. – № 29 (2). – С. 25–50.

7. Вен П. Фуко. Его мысль и личность. / П. Вен. – СПб.: Владимир Даль, 2013. – 195 с. – ISBN 978-5-93615-135-4.

8. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с. – ISBN 5-02-026848-8.

9. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 544 с. – ISBN 978-5-02-037115-6.

10. Foucault M. What is Critique? // Foucault M. *The Politics of Truth* / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 41–82. – ISBN 978-0-226-38358-3.

11. Foucault M. *Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976* / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 336. – ISBN 978-0312422660.

12. Hobbes T. *Leviathan* / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 618 p. – ISBN 978-0521567978.

13. Zarka Y. C. Foucault et le concept non juridique du pouvoir / Y. C. Zarka // *Cités*. – 2000. – No. 2. – P. 41–52.

14. Филиппов А. Ф. Устройство власти в «Левиафане» Томаса Гоббса / А. Ф. Филиппов // Гоббс Т. *Левиафан*. – М.: Рипол-Классик, 2020. – С. 5–34. – ISBN 978-5-386-09587-1.

15. Zarka Y. C. *Hobbes and Modern Political Thought* / Y. C. Zarka. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. – 278 p. – ISBN 978-1474401210.

16. Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени / Ю. В. Иванова, П. В. Соколов. – М.: Квадрига, 2011. – 304 с. – ISBN 978-5-91791-081-9.

17. Harrington J. *The Commonwealth of Oceana and A System of Politics* / J. Harrington. – Cambridge University Press, 2008. – 332 p. – ISBN 978-0521423298.

18. Crano R. D. Genealogy, Virtuality, War (1651/1976) / R. D. Crano // *Foucault Studies*. – 2011. – No. 11. – P. 156–178.

19. Покок Д. Г. А. Берк и древняя конституция: об одной проблеме в истории идей / Д. Г. А. Покок // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. – 2018. – № 2 (3). – С. 141–170.

20. Pocock J. G. A. James Harrington and the Good Old Cause: a study of the ideological context of his writings / J. G. A. Pocock // *The Journal of British Studies*. – 1970. – No. 10 (1). – P. 30–48.

21. Прокопчук А. Неутопический утопизм Джеймса Харрингтона / А. Прокопчук. – Текст: электронный // *Горький Медиа: [сайт]*. – 2023. – 3 ноября. – URL: <https://gorky.media/context/neutopicheskiy-utopizm-dzhejmса-harringtonа> (дата обращения: 20.09.2024).

22. Фуко М. Omnes et singulatim: к критике политического разума // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. В 3 частях. Часть 2 / М. Фуко. – М.: Праксис, 2005. – С. 285–319. – ISBN 5-910574-23-0.

23. Foucault M. Il faut défendre la société. Cours au Collège de France (1975–1976) / M. Foucault. – Paris: Gallimard/Seuil, 1997. – 304 p. – ISBN 978-2020231695.

24. Фрайер Х. Революция справа / Фрайер Х. – М.: Праксис, 2008. – 144 с. – ISBN 978-5-901574-71-3.

25. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт / Э. Юнгер. – СПб.: Наука, 2000. – 539 с. – ISBN 5-02-026781-3.

26. Nisbet R. A. De Bonald and the Concept of the Social Group / R. A. Nisbet // *Journal of the History of Ideas*. – 1944. – No. 5 (3). – P. 315–331.

27. Dean M., Villadsen K. State Phobia and Civil Society. The Political Legacy of Michel Foucault / M. Dean, Villadsen K. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – 208 p. – ISBN 978-0804796972.

28. Hannsen B. Critique of Violence / B. Hannsen. – London, New York: Routledge, 2000. – 324 p. – ISBN 978-0415223409.

29. Foucault M. Nietzsche, la généalogie, l'histoire // Foucault M. Dits et écrits. En 4 Vol. Vol. 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 136–156. – ISBN 978-2070761869.

30. Tully J. The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics // Tully J. Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics / J. Tully. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – 370 p. – ISBN 978-0691077963.

31. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы / К. Скиннер // *НЛО*. – 2004.

– № 66 (2). – С. 55–66.

32. Pasquino P. Political Theory of War and Peace: Foucault and the History of Modern Political Theory / P. Pasquino // *Economy and Society*. – 1993. – No. 22 (1). – P. 77–88.

33. Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2016. – С. 5–59. – ISBN 978-5-02-038400-2.

34. Шмитт К. Понятие политического // Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт. – СПб.: Наука, 2016. – С. 280–408. – ISBN 978-5-02-038400-2.

35. Шмитт К. Государство как конкретное понятие, связанное с определенной исторической эпохой / К. Шмитт // *Логос*. – 2012. – № 89 (5). – С. 205–215.

36. Adorno F. P. Fiction et histoire / F. P. Adorno // *Cités*. – 2000. – № 2. – P. 83–96.

37. Делез Ж. Переговоры 1972–1980 / Ж. Делез. – СПб.: Наука, 2004. – 235 с. – ISBN 5-02-026845-3.

Political Historicism of Michel Foucault

Anton Prokopchuk — Master of Philosophy, independent researcher;
Minsk, Belarus; e-mail: hmr665@gmail.com

Keywords: genealogy, Historismus, methodology of history, political theology, sociology, sovereignty, state

The article explores the relation between historical knowledge and political philosophy of sovereignty in Michel Foucault's late work. The concept of «political historicism», introduced in «Society Must Be Defended» lectures, is analysed. This concept was not further developed by Foucault and thus has not attracted due attention in literature. However, its principles are incorporated into the genealogical method. According to Foucault, the classic theory of sovereignty initially articulated by Thomas Hobbes emerged as a counterweight to the historical-political discourse of seventeenth-century England. Although it includes the construct of «war of all against all», the historical factuality of war is not seen essential to the institution of political order. Historical knowledge is systematically disqualified from Hobbes's theory, which Foucault examines in its polemical context. He states that Hobbes opposes contemporary political historicism, which insists that any political idea can only be understood as a weapon of a particular ideological struggle. Despite all the differences between variants of political historicism developed from 17th century onwards, this kind of discourse always presupposes a specific form of sociology. According to that, the structure of society is binary, as it is constantly being split apart by two conflicting groups. Political history is thus the history of war within society. Contrary to the classic theory of sovereignty, this sociology systematically opposes society and the state. Here the state is seen not as a product of social contract, but as a result of situational balance of powers, an instrument of continuation of the everlasting war within society by nonmilitary means. The article shows that Foucault not only studies political historicism as a form of historical knowledge, but also adheres to its principles in his own critique of sovereignty as a crucial component of the recent biopolitical dispositive. This

is precisely the reason why among Foucault's better-known studies in genealogy, «Society Must Be Defended» is the closest one to a purely sociological work. Therefore, the more thorough study of political historicism allows to rehabilitate a relatively less explored region of Foucault's oeuvre and to outline new productive ways of keeping his legacy relevant while acknowledging the shortcomings of his method.

References

1. Groulx R. Michel Foucault, la politique comme guerre continuée / R. Groulx. – Paris: L'Harmattan, 2015. – 280 p. – ISBN 978-2343062266.
2. Marks J. Foucault, Franks, Gauls. Il faut défendre la société: The 1976 Lectures at the Collège de France / J. Marks // Theory, Culture & Society. – 2000. – No. 17 (5). – P. 127–147.
3. Meinecke F. Voznikovenie istorizma [Historicism: The Rise of a New Historical Outlook] / F. Meinecke. – Moscow: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2024. – 480 p. – ISBN 978-5-98712-031-6. (In Russian)
4. Troeltsch E. Istorizm i ego problemy [Historicism and Its Problems] / E. Troeltsch. – Moscow: Jurist, 1994. – 720 p. – ISBN 5-7357-0047-2. (In Russian)
5. Rutkevich A. M. Nasledie istorizma [Heritage of Historicism] / A. M. Rutkevich // Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2020. – No. 4 (3). – P. 36–70. (In Russian)
6. Vlasova O. A. Rozhdenie fukianskogo metoda: jepistemologija/fenomenologija, psihologija/psikhijatrija [The Birth of Foucault's Method: Epistemology/Phenomenology, Psychology/Psychiatry] / O. A. Vlasova. // Logos. – 2019. – No. 29 (2). – P. 25–50. (In Russian)
7. Veyne P. Fuko. Ego mysl' i lichnost' [Foucault, His Thought, His Character] / P. Veyne. – Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2013. – 195 p. – ISBN 978-5-93615-135-4. (In Russian)
8. Foucault M. Nuzhno zashhishhat' obshhestvo: Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1975–1976 uchebnom godu [«Society Must Be Defended». Lectures at the Collège de France 1975–1976] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2005. – 312 p. – ISBN 5-02-026848-8. (In Russian)
9. Foucault M. Bezopasnost', territorija, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [Security, Territory, Population: Lectures at the Collège de France, 1977–1978] / M. Foucault. – Saint Petersburg: Nauka, 2011. – 544 p. – ISBN 978-5-

02-037115-6. (In Russian)

10. Foucault M. What is Critique? // Foucault M. The Politics of Truth / M. Foucault. – Los Angeles: Semiotext(e), 2007. – P. 41–82. – ISBN 978-0-226-38358-3.

11. Foucault M. Society Must Be Defended. Lectures at the Collège de France 1975–1976 / M. Foucault – New York: Picador, 2003. – P. 336. – ISBN 978-0312422660.

12. Hobbes T. Leviathan / T. Hobbes. – Revised stud. ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 618 p. – ISBN 978-0521567978.

13. Zarka Y. C. Foucault et le concept non juridique du pouvoir / Y. C. Zarka // Cités. – 2000. – No. 2. – P. 41–52.

14. Filippov A. F. Ustrojstvo vlasti v «Leviafane» Tomasa Gobbsa [Mechanism of Power in Thomas Hobbes's «Leviathan»] // Hobbes T. Leviathan [Leviathan] / A. F. Filippov. – Moscow: Ripol-Klassik, 2020. – P. 5–34. – ISBN 978-5-386-09587-1. (In Russian)

15. Zarka Y. C. Hobbes and Modern Political Thought / Y. C. Zarka. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. – 278 p. – ISBN 978-1474401210.

16. Ivanova J. V., Sokolov P. V. Krome Dekarta: razmyshlenija o metode v intellektual'noj kul'ture Evropy rannego Novogo vremeni [Beyond Descartes: Discourses on the Method in Early Modern Intellectual Culture] / J. V. Ivanova, P. V. Sokolov. – Moscow: Kvadriga, 2011. – 304 p. – ISBN 978-5-91791-081-9. (In Russian)

17. Harrington J. The Commonwealth of Oceana and A System of Politics / J. Harrington. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 332 p. – ISBN 978-0521423298.

18. Crano R. D. Genealogy, Virtuality, War (1651/1976) / R. D. Crano // Foucault Studies. – 2011. – No. 11. – P. 156–178.

19. Pocock J. G. A. Bjork i drevnjaja konstitucija: ob odnoj probleme v istorii idej [Burke and the Ancient Constitution – a Problem in the History of Ideas] / J. G. A. Pocock // Filosofija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2018. – No. 2 (3). – P. 141–170. (In Russian)

20. Pocock J. G. A. James Harrington and the Good Old Cause: a study of the ideological context of his writings / J. G. A. Pocock // The Journal of British Studies. – 1970. – No. 10 (1). – P. 30–48.

21. Prokopchuk A. Neutopicheskiy utopizm Dzhedjmsa Harringtona [Non-utopian Utopianism of James Harrington] / A. Prokopchuk. – Text: digital // Gorky.media: [website]. – 2023. – 3 november. – URL: <https://gorky.media/context/neutopicheskiy-utopizm-dzhejmsa-harringtona> (accessed:

20.09.2024). (In Russian)

22. Foucault M. Omnes et singulatim: k kritike političeskogo razuma [Omnes et Singulatim: Towards a Criticism of «Political Reason»] // Foucault M. Intellektualy i vlast': izbrannye političeskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. V 3 ch. Ch. 2 [Intellectuals and Power: Selected Political Papers, Lectures, and Interviews. In 3 Vol. Vol. 2] / M. Foucault. – Moscow: Praxis, 2005. – P. 285–319. – ISBN 5-910574-23-0. (In Russian)

23. Foucault M. Il faut défendre la société. Cours au Collège de France (1975–1976) / M. Foucault. – Paris: Gallimard/Seuil, 1997. – 304 p. – ISBN 978-2020231695.

24. Freyer H. Revoljucitja sprava [Revolution from the Right] / H. Freyer. – Moscow: Praxis, 2008. – 144 p. – ISBN 978-5-901574-71-3. (In Russian)

25. Jünger E. Rabochij. Gospodstvo i geshtal't [The Worker. Dominion and Form] / E. Jünger. – Saint Petersburg: Nauka, 2000. – 539 p. – ISBN 5-02-026781-3. (In Russian)

26. Nisbet R. A. De Bonald and the Concept of the Social Group / R. A. Nisbet // Journal of the History of Ideas. – 1944. – No. 5 (3). – P. 315–331.

27. Dean M., Villadsen K. State Phobia and Civil Society. The Political Legacy of Michel Foucault / M. Dean, K. Villadsen. – Stanford: Stanford University Press, 2016. – 208 p. – ISBN 978-0804796972.

28. Hannsen B. Critique of Violence / B. Hannsen. – London, New York: Routledge, 2000. – 324 p. – ISBN 978-0415223409.

29. Foucault M. Nietzsche, la généalogie, l'histoire // Foucault M. Dits et écrits 2 / M. Foucault. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 136–156. – ISBN 978-2070761869.

30. Tully J. The pen is a mighty sword: Quentin Skinner's analysis of politics // Tully J. Meaning and Context. Quentin Skinner and his Critics / J. Tully. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – 370 p. – ISBN 978-0691077963.

31. Skinner Q. Kollingvudovskij podhod k istorii političeskoj mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [The Rise of, Challenge to and Prospects for a Collingwoodian Approach to the History of Political Thought] / Q. Skinner // NLO. – 2004. – No. 66 (2). – P. 55–66. (In Russian)

32. Pasquino P. Political Theory of War and Peace: Foucault and the History of Modern Political Theory / P. Pasquino // Economy and Society. – 1993. – No. 22 (1). – P. 77–88.

33. Schmitt C. Političeskaja teologija [Political Theology] // Schmitt C. Ponjatje političeskogo [The Concept of the Political] / C. Schmitt – Saint Petersburg: Nauka, 2016. – P. 5–59. – ISBN 978-5-02-038400-

2. (In Russian)

34. Schmitt C. Ponjatie politicheskogo [The Concept of the Political] / C. Schmitt. – Saint Petersburg: Nauka, 2016. – P. 280–408. – ISBN 978-5-02-038400-2. (In Russian)

35. Schmitt C. Gosudarstvo kak konkretное ponjatie, svjazannoe s opredelennoj istoricheskoj jepohoj [The State as a Concrete Concept, Bound to a Historical Epoch] / C. Schmitt // Logos. – 2012. – No. 89 (5). – P. 205–215. (In Russian)

36. Adorno F. P. Fiction et histoire / F. P. Adorno // Cités. – 2000. – No. 2. – P. 83–96.

37. Deleuze G. Peregovory [Negotiations 1972–1980] / G. Deleuze. – Saint Petersburg: Nauka, 2004. – 235 p. – ISBN 5-02-026845-3. (In Russian)